

Театр не сдает позиций

— Леонид Васильевич, попробуйте определить самую дорогую для вас тему, которая прошла через всю вашу творческую жизнь...

— Такой «сквозной» темы я, пожалуй, не назову. Актер я острохарактерный, а такой должен уметь играть самые разнообразные роли: Федю Протасова и Арбенина, председателя укома в «Шторме»... Мне очень нравится мое амплуа.

И все-таки, думаю, мою тему можно выразить так: драматическая, или, точнее сказать, трагическая ситуация, в которую попадает человек. Сомнения, его постоянная внутренняя борьба...

В «Живом труп» меня привлекает не сама по себе катастрофа — уход Федя Протасова от среды, от семьи. Но, главным образом, поиск Львом Толстым истинного смысла жизни. В «Шторме» В. Билль-Белоцерковского я впервые сыграл роль коммуниста. Человека, от которого зависит судьбы других людей. Играя его, исходил из мысли, которая поразила меня еще в юности: у одного великого человека спросили: «Что бы вы делали, если бы стали императором?» — «Я бы все время сомневался», — ответил он. Вот сыграть человека, находящегося в постоянном сомнении и поиске, я и считал своей задачей.

— В этих ролях вы выражали или преодолевали себя?

— Простите, какой я Арбенин в жизни?! Или Булычов. Или Порфирий Петрович... Ведь с любым из них у меня ничего общего. Классика тем и хороша для актера, что по времени и по жанру удалена от него, и чтобы это стало твоим, чтобы ты стал именно тем героем, нужно в чем-то перебороть себя...

— Но ведь вы заняты в основном в современном репертуаре...

— И, честно сказать, не удовлетворен сделанным. В «застойные» годы (а именно в этот период я развивался как актер) все было слишком контролируемо сверху, приходилось делать то, что велено, а не то, что мог бы предложить театр. И лишь изредка, как бы украдкой, удавалось сыграть «свое». А я всегда очень стремился к классической драматургии. Но тем не менее ни разу не сыграл Шекспира, Мольера, Шиллера, Лопе де Вега. Да и с русской классикой дело обстояло туго: за всю жизнь сыграл в... одной пьесе Островского, в одной — Чехова, в одной — Горького! Десяносто процентов моих ролей — из современного репертуара. Естественно, я не против современной драматургии, если она хорошая. Помните фразу: большой актер растет на большом репертуаре? Без ролей классического репертуара не представляю себе современного актера.

**Народный артист СССР
Леонид Васильевич Марков**
отмечает свое шестидесятилетие.
На счету — сто театральных, пятьдесят киноролей.
Накануне юбилея наш корреспондент взял у него интервью.

— Я, кажется, начинаю понимать, почему в минувшем сезоне, ненадолго правда, вы перешли в Малый театр... Стремились играть классические роли!

— Вы правы. Мой «поход» в театр, где двадцать шесть названий классического репертуара, объяснялся именно этим. Но мои надежды, к сожалению, не оправдались. Правда, труппой я был принят хорошо, но за год сыграл одну роль — Антипу Зыкова.

— Судя по тому, что вы вернулись, вам не хватало Театра имени Моссовета!

— Когда бы я ни приходил в свой бывший театр, мне говорили: вернись! Почувствовали мое отсутствие, привыкли, видно, ко мне за два десятка лет.

Сколько разных воспоминаний связано с этим театром, сколько принято было решений, может быть, и нелегких для меня. Взять вот, к примеру, «Царскую охоту» Л. Зорина. Мне было уже далеко за пятьдесят, когда я продолжал играть в ней молодого любовника. Выходил с седой копной — не гримировался. Наконец пришел к нашему главному режиссеру П. Хомскому: возраст, мол, уже не тот. Не могу! Роль передали более молодому актеру.

— Как вы думаете, как будет развиваться современное театральное искусство? Или, проще говоря, куда идет театр?

— Предсказать не могу. Я актер, а не философ. Но меня радует, что, несмотря на обилие техники, которая во всем мире вторгается в искусство (ТВ, видео), театр по-прежнему живет полнокровной жизнью и не намерен уступать позиций. Помню, когда впервые стало появляться телевидение,

а с ним — антенны на крышах, Серафима Бирман, глядя на них, задумчиво сказала: «Это — кресты театрального искусства». К счастью, пророчество ее не сбылось.

В последнее время некоторые московские театры (да и не только московские) вступили в эксперимент, коллективы не удовлетворены творческими, финансовыми показателями, пытаются что-то перестроить. Нарастающее беспокойство пусть не всегда идет на пользу, но уже то, что появился «микроб» неравнодушия, прямо скажем — недовольства своим существованием, может быть, и есть признак возрождения?

Огорчает почти ушедшее (с уходом старшего поколения) актерское мастерство. Оно, знаете, стерлось, как стираются пятаки. Ведь при той «схематичной» драматургии, которая продолжительное время царила на театре, оно как бы и не было нужно: достаточно было произнести со сцены лозунг, — и ты уже свою функцию выполнил. Сейчас новые времена, поиски новой драматургии, но потеря актерского мастерства невосполнима, и ощущаю я ее очень остро...

— У меня как раз заготовлен «трафаретный» вопрос: о партнерстве...

— Ох, уж это партнерство! Есть что-то неуловимо «зрительское» в таком вопросе. «Вам было интересно играть с Раневской?» И тут же вопрос: «А почему?». Да потому, что она смешно рассказывала анекдоты! «А почему вам интересно с Андрейченко?». Потому, что она красивая! (И зритель смеется).

А если серьезно, еще в Театре им. Ленинского комсомола во мне воспитали главное: уважение к партнеру.

— Что вы сейчас играете в Театре имени Моссовета?

— Занят в двух спектаклях: по-прежнему в «Цитате» Л. Зорина и в «Завтраке с неизвестными» В. Дозорцева. Обе пьесы острые, бичующие современные негативные явления.

— А кого бы хотели сыграть?

— Все больше приходится «отпускать» свою мечту с учетом возраста. И дальше короля Лира мысль моя почему-то не идет.

— А к режиссуре никогда у вас не было влечения?

— Видимо, оно может возникать у актеров с «лидерским» характером. Я же — типичный исполнитель. Не только как актеру, но и как человеку лидерство мне не свойственно.

Беседу вел
В. ЛЕБЕДИНСКИЙ.

Народный артист СССР Леонид Марков